

В гостях у Мэй Лань-фана

БЕЛАЯ НОЧЬ в Китае. В лунной чаше, образованной горным массивом, перед бойцами Народной освободительной армии, весь залитый светом, выступает Мэй Лань-фан. Звучит своеобразная музыка китайского оркестра, плывет серебряный речитатив «Белой змейки».

Шестьдесят четвертую свою весну встречает Мэй Лань-фан, но он так же молод, подвижен, как и тогда, в 1935 году, у нас в Москве, на сцене бывшего театра «Музикхолл», где великий артист гастролировал со своим театром и имел неповторимый, выдающийся успех. Увидев Мэй Лань-фана, К. С. Станиславский сказал тогда о нем: «Это — чудо».

Мы в Пекинском драматическом театре. Сегодня в пьесе «Феникс возвращается в свое гнездо» выступает Мэй Лань-фан. Как и во всех пьесах и ролях своего репертуара, он создает образы девушек. В пьесе о птице Феникс Мэй Лань-фан играет роль красивой девушки. Несложен сюжет этой пьесы, забавны недоразумения, но даже и на такой канве неповторимое искусство Мэй Лань-фана расширяет свои изумительные узоры.

Прежде всего это относится к богатству душевных, сердечных оттенков, к пластическому великолепию рук, которые, играя, рисуют, к особому умению в драматических местах заворочить весь зал, затем столь же молниеносно вернуть зрителей в объятия смеха и закончить спектакль торжеством победившей любви.

Все есть в знаменитых ариях Мэй Лань-фана и его речитативах: ирония, веселость, печаль. Есть смех и слезы. И независимо от того, что в старой китайской драме и опере превалирует фальцет, что своеобразие музыки, сопровождающей спектакль, иногда начинает казаться вам сложным для восприятия, искусство артиста покоряет.

ВСКОРЕ я увидел Мэй Лань-фана без грима. Меня поразили его внешний облик. В темном френче, с молодым без единой морщинки лицом, с удивительно живыми темными глазами профессор и артист Мэй Лань-фан выглядел очень молодо и жизнерадостно. Голос его звучал музыкально, порой даже казалось, что во время разговора он словно бы напевал какую-то мелодию: видимо, пятьдесят лет пребывания на сцене наложили своеобразный отпечаток на манеру его речи.

Мэй Лань-фан с большой радостью рассказывал о том, как новое, смелое искусство в китайских театрах прочно завоевывает симпатии народа. Он привел в пример постановку пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем» в Пекинском драматическом театре, спектакли экспериментального Театра китайской оперы и драмы.

Мэй Лань-фан много и увлеченно рассказывал о четырех системах китайского оперного искусства. С волнением вспоминал он свои встречи с К. С. Станиславским, который еще тогда, почти четверть века назад, усмотрел условных спектаклях Мэй Лань-фана зерно реалистического искусства.

Мэй Лань-фан рассказал о том, что две книги, написанные им и подводящие итог его полувековой работы в театре, переведены на русский язык и будут опубликованы в Советском Союзе.

Раздумывая об обаянии Мэй Лань-фана, я проходил вскоре после встречи с ним по длинному коридору гостиницы «Пекин», где продавались китайские сувениры. Среди них меня особенно поразили белые, сияющие сережки из янтаря.

— Это «слезы Мэй Лань-фана», — сказала китайская продавщица, хорошо говорившая по-русски.

— Почему «слезы Мэй Лань-фана»? — переспросил я.

— В пьесе «Белая змейка» девушка тоскует и плачет. Злые люди мешают ее любви. Девушку играет Мэй Лань-фан. Слезы девушки чисты и прекрасны. Мастер ювелирных изделий назвал эти сережки «слезами Мэй Лань-фана».

Я увез эти «слезы» в Москву. И навсегда в моей памяти сохранились слова великого китайского артиста:

— Вы спрашиваете, почему я не старею. Нельзя стареть в стране, которая, получив десять лет назад освобождение, создала прекрасную и свободную жизнь для нашего народа. Нельзя стареть в такой стране!

Игорь ЧЕКИН.

«ИЗВЕСТИЯ»

2 ОКТ 1959